

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Михаил НЕСТЕРОВ

БЕШЕНАЯ
СТЯ

Михаил Нестеров

Бешеная стая

Серия «Спецназ ГРУ»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3744995

Бешеная стая : роман / Михаил Нестеров: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-57229-8

Аннотация

Бывший сотрудник ГРУ, а ныне частный детектив Павел разыскивает убийц Родиона Приказчикова. Этот молодой человек состоял в грозной и неуловимой банде «Бешеные псы», промышленявшей налетами, разбоем и убийствами. Родиона убрали его же дружки. Разрабатывая банду, Павел замечает, что «псы» действуют в высшей степени профессионально. И у него появились догадки, что налетчиками верховодит не простой уголовник, а некий высокопоставленный чиновник...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	29
Глава 3	53
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Михаил Нестеров

Бешеная стая

Все персонажи этой книги – плод авторского воображения. Всякое их сходство с действительными лицами чисто случайное. Имена, события и диалоги не могут быть истолкованы как реальные, они – результат писательского творчества. Взгляды и мнения, выраженные в книге, не следует рассматривать как враждебное или иное отношение автора к странам, национальностям, личностям и к любым организациям, включая частные, государственные, общественные и другие.

«...должно быть, был момент тогда, в самом начале, когда мы смогли сказать – нет. Но мы как-то его упустили».

«Розенкранц и Гильденстерн мертвы», фильм Тома Стоппарда.

Глава 1

Парень с обложки журнала

Новоград

Информация на огромном табло обновилась: самолет авиакомпании «Аэрофлот», совершавший рейс Москва –

Новоград, прибыл в пункт назначения. До этого на электронном щите светилась строка о задержке этого рейса. Допив томатный сок и выбросив бумажный пакетик в урну, я направился к месту выдачи багажа – теряясь в этой разношерстной толпе туристов, одетый в спортивные брюки, тенниску, с небольшой дорожной сумкой через плечо и цифровым фотоаппаратом на ремешке. Этот новоградский аэропорт не отличался от десятков других, в которых мне удалось побывать. Кто видел один аэропорт, тот видел все, твердо был убежден я, и в этот раз невольно ставший частичкой чьего-то крупного бизнеса; даже купив хот-дог и сок, я бросил в карман авиакомпания мелочь.

Я ждал пассажира только что прибывшего самолета. А вот и он, отдохнувший за время полуторачасового перелета и тоже особо не выделяющийся среди своего бизнес-класса. Ему тридцать с небольшим. Ему к лицу чуть заметная седина на висках и даже едва приметная залысина, в которой отразился свет аэропортовых светильников. Он одет в деловой костюм – черный, казалось бы, – однако, если взглянуть внимательней, можно заметить синий отлив. Наверное, ткань, из которой пошит в английском ателье этот костюм, сама по себе являла собой настоящее произведение искусства. В руках у него модный портфель с довольно массивной спаренной ручкой. Плащ – как атрибут деловитости – смотрится изящно даже перекинутый через руку.

Нет, все же этот парень выделялся среди своего класса.

Но, скорее всего, если бы объектом моего внимания был хотя бы этот 50-летний бизнесмен, делающий знаки встречающей его группе, именно он выделился бы из бизнес-толпы.

Мой объект тоже изобразил приветственный жест рукой. Я не повел головой, точно зная, кому он адресован: за моей спиной, в нескольких шагах от застекленной двери терминала, притаилась женщина... В этих стеклянных джунглях она виделась диковинной бабочкой, наслаждающейся своей короткой, но красивой и насыщенной жизнью. В ее облике не было ничего вызывающего – ни накаченных силиконовых губ или груди, ни накладных ресниц; никто не заметил бы в ней фальши. А способна ли она на фальшь вообще? Аудио-материал – мой кропотливый труд – говорил: нет. Никакой фальши в голосе – это в те минуты, когда она отдавалась этому парню в гостиничном номере, на темной площадке служебной лестницы, на заднем сиденье арендованного автомобиля. Она была безупречным музыкальным инструментом и зазвучала бы даже в неумелых руках.

Сейчас она была «женщиной в синем» (если бы ее мог увидеть Крис де Бург, он бы перепел свой хит, сменив цвет платья воспетой им женщины на синий). Платье, перчатки, сумочка, лента в коротких иссиня-черных волосах, даже татуировка на плече в стиле Эми Уайнхаус: обнаженная блондинка с поднятой к голове рукой. Исключение – черные туфли, опять же, как мне показалось, с чуть приметной си-невой, как будто он и она сговорились, надев на эту встречу

в аэропорту что-то, что подходило им больше всего и по-настоящему сближало их: скрытность. В черном таился синий цвет, как проблеск луны посреди грозового ночного неба.

Надо ли говорить, что я полюбил эту женщину с первого взгляда и был готов любить ее до последнего?.. Это при том, что во мне не было ненависти к тому, кто фактически владел ее телом и душой. Ревность? Да, я ревновал, но только без исступления, как будто смотрел кинофильм с безусловной звездой в главной роли, покоровившей всех мужчин; и даже женщины не остались к ее образу равнодушны. Мне трудно было объяснить свои чувства и настроения другому, но это было совсем необязательно – главное, я не кривил душой перед самим собой.

Мой объект наблюдения, словно сошедший с глянцевой обложки «Форбс», подхватил свой багаж с транспортерной ленты и пошел навстречу женщине. Я знал, что будет дальше: женщина с татуировкой, не дожидаясь парня с обложки, поспешит к выходу из аэровокзала, чувствуя его за спиной и подстраиваясь под его деловую поступь, выдерживая равное десяти шагам расстояние, – я видел это по меньшей мере три раза в трех разных аэропортах. Я пошел следом, делая на ходу снимки. И в этот раз в кадр попали он и она. На парковке она села в арендованную «Ауди». Парень открыл дверцу пассажира, забросил багаж на заднее сиденье, сел, склонился к той, которая встречала его... Тонированные стекла все же позволили разглядеть страстный поцелуй, также зафик-

сированный моим портативным «Никоном».

Отлично!

Отлично? О чем это я? С каких это пор отдельный и незначительный эпизод моей работы стал вызывать у меня восторг?

– Такси! – Я опередил зазывалу и сел в желтый с шашечками «Шевроле». – Поехали за этой «Ауди». В ней – моя жена. Я слежу за ней.

Таксист сказал: «Да». Ему было по барабану – как я и моя жена развлекаемся в свободное время. Лично я на его месте посоветовал бы обменять цифровой «Никон» на двуствольный «Дерринджер».

Я опустил стекло со своей стороны и закурил дешевую крепкую сигарету без фильтра. Впереди – сорок километров пути, можно отдохнуть и заскучать одновременно. Я снова увижу за окном машины унылые, будто лунные, пейзажи...

Я подумал о том, что для отчета клиентке, на которую я в данное время работал, мне можно было бы и поснимать из окна такси, и снимки стали бы логическим продолжением того трогательного шествия, когда женщина вела своего любовника к выходу... На эти снимки клиентка даже не посмотрит (ее интересуют ключевые, с их кульминационными деталями снимки), а если и посмотрит, то мельком, как на шестерки из разбросанной по зеленому сукну карточной колоды.

«Ауди» остановилась напротив гостиницы «Комфорт

Тиффани», расположенной в старой части города. Женщина первой вышла из машины и подождала, когда ее друг заберет багаж. Потом они скрылись за массивными дверями гостиницы.

– Ты видел это? – спросил я таксиста, как если бы обращался к самому себе, и резонно не рассчитывал на ответ. Но он ответил: «Трогательно», понаблюдав за тем, как я сделал последние снимки и зачехлил фотоаппарат.

Расплатившись с владельцем желтого «Шевроле», я еще несколько минут провел возле гостиницы – пока служащий не поставил «Ауди» на парковку. Что же, все выглядело пристойно и в то же самое время непристойно, как в смеси американского и российского кино. Заодно я разузнал подноготную про название гостиницы. Витражи этого заведения были выполнены в стиле американского дизайнера Луиса Комфорта Тиффани, даже абажуры в холле и в номерах копировали изделия этого художника. Настоящим украшением стало центральное окно, повторяющее витраж мастера под названием «Древо жизни».

Нахватавшись высокого, мне предстояло решить – дополнить коллекцию эротических снимков еще одной постельной сценой или нет. Лучше будет, если клиентка увидит это. Насколько я изучил ее, она перебора не боялась. Заодно она получит доказательства моей, по сути, непрерывной работы.

Этот номер я проделывал много раз. Ночной портье колебался не больше секунды. Переложив пару сотен долларов

к себе в карман, он провел меня к комнате номер 16, который снимали оба объекта моего наблюдения. Чуть-чуть нервничая, портье открыл дверь своим ключом, несколько мгновений вслушивался, затем кивнул мне: «Можешь войти».

Я вошел внутрь. Мои ноги утонули в пушистом паласе, я не знал, в каждом ли номере этой чуть старомодной гостиницы было такое покрытие. Скорее всего, этот номер – для важных персон.

Мои тылы были надежно защищены: в крайнем случае портье даст мне зеленый коридор и даже погонится за мной – чтобы не догнать. Такие юнцы, достигшие определенных высот, слупят деньги с родного отца за его измену матери и с матери за ее измену отцу и поимеют двойную выгоду. И такой человек сейчас выступал в качестве моей защиты. Я даже не заметил, как молниеносно поменял мнение о человеке.

Зеленоватый занавес на окне был изящно подсвечен светильником на подоконнике, и оконный проем в целом казался коконом, внутри которого дремала сама жизнь. Этого света мне хватило, чтобы в деталях рассмотреть спящую на кровати красивую пару.

Женщина, олицетворяющая безмятежность и удовлетворенность. Она спала на боку, свернувшись калачиком и отпихнув одеяло к краю кровати, и была настолько свежа, что мне показалось, она только что родилась – в шелковой сорочке, сквозь кружево которой отчетливо просматривалась ее атласная кожа.

Шелк и атлас.

Боже... Я стал поэтом. И невольно закрыл глаза.

Парень с обложки лежал на спине. Я только теперь, стоя у него в ногах, как будто пришел проводить его в последний путь, услышал его храп – в одну сторону, а в другую он тяжело, как астматик, выпускал воздух. Он неудобно лежал на кровати, и мне стало жаль его. Ему бы перевернуться на бок...

Я выбрал в видеоискатель «Никона» оптимальный, как мне показалось, кадр, просящийся называться «тревога и безмятежность». Ведь как ни крути, сон парня нельзя было назвать спокойным – то давала знать о себе совесть, принявшая во сне облик его жены. А его любовница... Она, как я уже заметил ранее, спала сном младенца. Я вдруг поймал себя на несоответствии: она была почти вдвое моложе своего любовника, но ее я называл женщиной, а его – парнем. У них были имена: ее звали Зоей, его Юрием.

Они оба попали в кадр. Чуть слышный щелчок, и...

Я покрылся холодным потом: парень громко всхрипнул, как будто подавился, и закашлялся. Мгновение, и он сядет на кровати, чтобы откашляться и отдышаться, а заодно посмотреть на папарацци у себя в ногах. Что делать?

Решение пришло молниеносно: я так резко присел, как будто меня снес подсечкой самбист, и скрылся за широкой деревянной спинкой. Над моей головой трассером пронесся острый взгляд парня, – клянусь, я успел заметить след, а если

бы посмел повернуть голову, заметил бы отверстие в стене.

Он действительно сел в кровати и несколько раз, закрывая рот кулаком, кашлянул. Вот он замер, глянув... в приоткрытую дверь. Почему дверь открыта?

Портье мигом, как будто мы вместе ходили в разведку, пришел мне на выручку. Он нарисовался в проходе, в котором горел дежурный свет, и тихо, чтобы его услышал парень, но так, чтобы не разбудить женщину, сказал:

– С вами все в порядке? – И продолжил без паузы: – Я проходил мимо и услышал... сдавленный крик.

Меня отпустило, и я даже назвал этого портье молодцом. Он не ляпнул «стон». Эта пара сняла номер, чтобы стонать: громко, тихо, страстно, протяжно, коротко, томно, сладострастно. А вот «сдавленно кричать» – это умно придумано. И если даже отнести сдавленный крик к области секса, то получится что-то напрочь закомплексованное, мучительное и отчаянное, как в первый и последний раз.

Юрий несколько секунд моргал глазами, потом кивнул:

– Да, все в порядке.

– Извините.

Портье тихонько закрыл дверь и только потом, наверное, расстался с обликом дежурного ангела.

С него я переключился на парня. Сейчас этот кретин встанет с кровати и увидит меня. Это не входило в мои планы. И я, чтобы не отвечать на прямые вопросы, воспользовался его очередным приступом кашля: вытянулся в струнку и, про-

являя чудеса ловкости автомеханика, протиснулся под кровать. И – оказался точно под ней, под женщиной по имени Зоя, с широко расставленными руками, готовый принять ее в свои объятия, смягчить удар, если вдруг она, как в кошмаре, провалится сквозь матрас.

Я задрожал от возбуждения, которое было готово выплеснуться реакцией на всеобщее раздражение – как резкий переход от полного покоя к кипучей деятельности.

Сейчас она проснется. Мне было плевать на собственную безопасность, что меня могли вытащить из-под кровати сильные и бесцеремонные руки сотрудников службы безопасности отеля, – я не исключал варианта, при котором ночной портье мог из пособника мутировать во врага и сдать меня. Больше всего я боялся близости этой пары в непосредственной близости от меня. Глупо в моем положении думать об этом, но так было.

Она не проснулась – ни от его кашля, ни от его возни (он нащупал на тумбочке бутылку воды, отпил немного, прополоскал горло). И он вскоре успокоился: лег на бок и засопел.

Господи, взмолился я, избавь меня от очередного сдавленного крика! И я тихонько выполз из своего убежища.

Прежде чем покинуть гостиничный номер, я при свете ночника за шторой продолжительным взглядом попрощался с женщиной: «Спокойной ночи, Зоя!»

Портье встретил меня фразой:

– Чего так долго?

Настроение мое, мое состояние буквально потеряли вес, и я был готов взлететь. Я сунул руку в карман, и портье обогатился еще на сотню баксов.

Утром – было начало одиннадцатого – я сидел в баре «Комфорта Тиффани» и потягивал апельсиновый сок. Деятельный бармен, чем-то напомнивший мне ночного портье, сновал по ту сторону стойки, как игрушечный хоккеист в настольной игре, и то и дело перекрывал мне телевизор. Я пересел в конец стойки; отсюда, используя зеркальную, подсвеченную голубыми лампами витрину, было удобнее наблюдать за всеми, кто заходил в этот зал позавтракать или с утра пораньше пропустить стаканчик вина; и тех и других было немало.

Я плохо выспался. Заснуть мешали мысли и переживания, а когда я провалился в сон, то оказался на лопатках, а сверху давила громадная кровать.

Мне приходилось попадать и в более сложные ситуации, работая над более сложными делами, и все они были уникальными, ни одного похожего развития событий, и в этом плане мне повезло. Мысленно я уже готовил отчет клиентке – но в этот раз с небольшими отклонениями. Мне хотелось смягчить удар, который непременно обрушится на Юрия и, что вполне вероятно, рикошетом ударит в Зою. Я был готов встать буфером между ней и той, которая занесла руку для удара. Во все времена это называлось жертвой, и я намеренно шел на нее.

А вот и они – промелькнули в синеватом зеркале витрины. Заняли столик у окна, а их отражение затерялось среди винных бутылок и дорогих сигарет. Парень жестом руки позвал официанта и, не заглядывая в карту, сделал заказ. Я тоже позвал бармена и попросил рюмку водки.

У меня перед этой парой было огромное преимущество: я знал то, чего не знали они. По крайней мере, один из них отвалил бы за мои знания плюс живые материалы кругленькую сумму. Но до сего дня я был честен перед клиентами, хотя соблазн перекинуться на другую сторону приходил не раз.

Я заказал еще водки, встал, поправил задравшуюся штанину и прошел мимо пары к выходу. Я не мог не бросить взгляд на женщину, зная, что, может быть, вижу ее в последний раз. Зоя тоже подняла глаза – как посмотрела бы на любого, кто прошел мимо, и наши взгляды на миг встретились.

В туалете я, вымыв руки, оглядел себя в зеркале. Сегодня я выглядел более или менее респектабельно: темно-серый костюм в едва приметную полоску, голубая рубашка; отсутствие галстука – тоже деталь. Глубокая мысль, она вызвала сдержанную улыбку на моем слегка обрюзгшем лице.

Я отрастил волосы. Они падали на воротник рубашки и прикрывали уши. Это называлось прической – с прицелом на мою нелюбовь к лысым и полулысым головам. Однако короткие прически мне нравились у женщин. У этой женщины была короткая прическа. Вроде бы каре, но Зоя по-мужски, одной рукой поправляла челку на правую сторону, и этот ее

характерный жест был особенно запоминающимся.

Я появился в зале в тот момент, когда Юрий поднимал бокал с вином и глядел поверх него на свою спутницу. Не я один пил с утра, и эта мысль стала чем-то вроде анальгина: облегчения не принесла, но общее состояние успокоила.

Я прикурил сигарету от зажигалки суетливого и вездесущего бармена, одетого в рубашку навыпуск и с закатанными рукавами. Снова сосредоточил свое внимание на отражении пары в зеркале.

Она подняла бокал, чуть наклонив его к себе, и янтарная жидкость коснулась ее губ. Она за завтраком составила своему любовнику компанию, не более того: ни есть, ни пить она не хотела. Ей бы для этого подошел более ранний час – когда встает солнце и бабочки пьют росу.

«Зачем я здесь?» – спросил я себя. Сегодня впервые наши взгляды перекрестились, и это было похоже на настоящее прощанье, не так, как прошлой ночью, когда я в одностороннем порядке смотрел на спящую женщину. В своих чувствах я зашел слишком, слишком далеко.

Я расплатился и вышел из бара-ресторана.

Москва

Утопая в глубоком кожаном кресле, я неотрывно смотрел на стройную, с волевым и красивым лицом женщину. В ее облике прежде всего были заметны резко очерченные скулы и серые выразительные глаза. Этакая скандинавская воительница. Одетая в строгий офисный костюм, она просмат-

ривала фотографии, перекладывая их из одной стопки в другую: так мы с ней договорились – никаких электронных форматов, снимки только на бумаге, по старинке. От меня не ускользнуло, что подушечки ее пальцев испачканы синими чернилами. Она пользовалась перьевой ручкой, и об этой ее привязанности я прочитал в ее досье, опубликованном на одном из сайтов. У нее за спиной висит портрет президента страны. Справа от рабочего стола – российский триколор, рядом – корзина для бумаг, то ли наполовину полная, то ли наполовину пустая.

Ирина Александровна просмотрела все фотографии и словно набросила на себя ходячее выражение «на ней лица нет», но с одним существенным дополнением: лицо у нее порозовело. И с каждой секундой оно все больше наливалось кровью. Если бы она была способна заплакать, из ее глаз хлынули бы кровавые слезы.

Я постарался разобраться в ее чувствах: стыд, жгучая ненависть, жажда тайной, но лютой мести. Именно тайной. Прямолинейность для этой женщины была неприемлема. Она обладала уникальной гибкостью и на ней построила то, что называется принципом существования – а это прежде всего работа. Сейчас она возглавляла префектуру Восточного административного округа столицы, заняв это место после нескольких лет работы в Сенате. С той поры ее часто называли сенаторшей.

Она встала из-за стола и подошла к окну, за которым от-

крывался вид на роскошный газон и цветник. Тронув рукой жалюзи, она глуховатым голосом потребовала «комментариев к этой мерзости», следующим жестом указав на стопку фотографий.

– Вы что, пожимаете плечами?

Я был похож на вампира: она не могла видеть мое отражение в кристально чистом оконном стекле, а спросила потому, что я не вытянулся в струнку и не ответил мгновенно, что сделал бы любой из ее подчиненных. Но я не подчинялся ей, я работал на нее, а значит, мог пожать плечами, зевнуть, почесать задницу, поковырять в зубах, а потом громко цыкнуть зубом.

– Почему вы молчите?

– Вы на взводе, и любой мой неосторожный жест или слово может спровоцировать у вас вспышку бешенства. Вы сорвете на мне злость, а потом снова обернетесь «железной леди». Я при всем желании не смогу решить ваших проблем на личном фронте.

– Но указать на них сможете?

Я отбросил застенчивость.

– Проблемы, связанные с вашей интимной жизнью, у вас начались шесть лет тому назад, когда вы, не разменяв еще пятого десятка, приняли предложение человека, который был моложе вас на шестнадцать лет.

Она хмыкнула и кивнула головой: «Продолжай». Она походила на царицу, а я на дерзкого фаворита.

- Собственно, я кончил.
- Вернемся к вопросу о комментариях к фотографиям.
- Вам нравятся субтитры в порнографической ленте?
- Пожалуйста, – стояла она на своем. – Ваши комментарии к снимкам.

Я почувствовал себя болваном, сказав:

– Ваши опасения подтвердились: ваш муж встречался с этой женщиной... минимум три раза. Извините – я косноязычный. Все подробности этого дела я изложил на бумаге, найдете их в отчете. Он у вас на столе.

– Он очень самоуверенный.

«Этот сукин сын, ваш муж?»

– Да, ему стоило бы быть поосторожней.

– У вас есть мнение на этот счет?

– Да, но я хотел бы оставить его при себе.

– Я думаю, он полный ублюдок и неблагодарная свинья.

Наши мнения совпадают?

– Как правило, такие вещи я не комментирую.

– А совет мне можете дать?

– Конечно. Уравняйте ваши шансы.

– Что это значит?

– Сходите на сторону. И поручите мне зафиксировать ваши встречи с любовником на пленку.

– Хотите выведать все секреты нашей семьи?

Я не ответил. Встал, застегнул пуговицу на пиджаке. На мне был все тот же темно-серый костюм, в котором я завтра-

кал в новгородском отеле, и свежая темная рубашка. Я был гладко выбрит и благоухал «нейтральным», но удивительно стойким «Богартом», этим символом мужского превосходства и индивидуальности. Из моей головы еще не выветрились воспоминания о ночной выходке в гостиничном номере, где мне в глаза бросилась подсвеченная со стороны окна плотная портьера-кокон.

– Надеюсь, вы будете немы как рыба.

– Да, – ответил я, удивленно вскинув бровь: она бросалась из крайности в крайность.

– Погодите. Я спрошу прямо: как часто они трахались?

– Не чаще, чем щелкал мой фотоаппарат, – дал я исчерпывающий ответ, кивнув при этом на гору снимков.

Я чувствовал, что любой мой ответ ее очень интересовал, как если бы она получала от каждого физического удовлетворение. Я без труда представил ее вздымающуюся грудь, еще более покрасневшее лицо, затуманенный взгляд, чувственный язык, которым она проводила по пересохшим губам, беспокойные ноги, соприкасающиеся коленями. Я представил ее в наручниках и черном белье; покорность ей была к лицу так же, как агрессивность. Для меня лично это значило, что она была сексуально привлекательна и многообразна. И она знала об этом. В свои сорок пять она выглядела на сорок: стройная, красивая, отвергающая церемонии. Если бы она позвала меня в заднюю комнату, я бы *повиновался*. Я изначально был зависим от нее. Ей не нуж-

но было ничего согласовывать со мной, а только управлять. Строгая похотливая учительница, черт бы ее побрал!

И я спросил себя: обладая в том числе и притягательной силой, как она смогла упустить своего мужа? Тот сорвался с поводка, но как она намеревалась вернуть его? А может быть, ее истинная цель – месть мужу?

– Погодите, – Ирина Александровна несвойственно для себя замялась. – Эта женщина, его любовница – она действительно так хороша, как на фотографиях?

– У вашего мужа тонкий вкус.

– Убирайся вон, – без натуги в голосе она перешла на «ты». – И постарайся не выезжать за пределы города.

Я не стал спрашивать, за каким чертом я мог ей понадобиться, однако мое ограничение в передвижениях расценил как намек на дальнейшее сотрудничество. И этот факт не мог не обрадовать меня: мне не придется дожидаться клиента в своем кабинете, соседствующем с букмекерской конторой.

Я не собирался покидать город – тем более сегодня. Мои бывшие коллеги устраивали вечеринку, и я был им благодарен за то, что они меня не забывали.

– Эй, – окликнула она меня с порога, – запомни следующее: ты лишь эпизод в моей жизни.

Когда мой телефон в очередной раз ожил коротким сигналом, я узнал точное время – то ли полночь, то ли час ночи. Но ровно секунда в секунду. Мой мобильник был синхронизирован с сервером сотового оператора и подавал сигнал

каждый час.

Зачем я активировал эту редкую и для многих бесполезную опцию часов с боем, я толком объяснить не мог. Но она каждый час напоминала мне, что время не стоит на месте, а порой летит – не догонишь. И если воспроизвести эти короткие звуки за последний год и без паузы, то они вытянутся в одну тоскливую ноту. И эту сонату, два с половиной часа протяженностью, с успехом мог сыграть сердечный регистратор в палате умершего больного.

На какое-то время я забыл, что я делаю здесь, в этом шумном, напрочь прокуренном помещении на Шаболовке, кто эти люди справа и слева от меня...

– Который час?

Полный, розовощекий бармен живо откликнулся на мой вопрос. Он извлек из кармашка пестрой жилетки часы и открыл крышку.

– Одна минута второго.

– Ага, – сказал я. И продолжил, поставив его в тупик: – Все-таки второй час, а не первый.

– Чего?

– Я потерял еще один час моей жизни – вот чего.

Я вынул свой мобильник, открыл настройки – полный решимости отключить эту опцию, которая капля за каплей опустошала чашу моей жизни. Я бы наверняка отключил ее, если бы не запутался во множестве вкладок меню.

К черту, к черту ее! Забыть о ней почти на час! Да это же

целая вечность!

Я очнулся и примкнул к тосту самого старшего из нашей спецгруппы, развалившейся несколько лет тому назад. Слушать сорокалетнего Алексея Мазина было сущее мученье, любой его спич растягивался в скучнейшую тираду.

– Весь сегодняшний вечер в этом кафе звучали здравицы в честь самого молодого члена команды, в которой я когда-то имел честь состоять. – Алексей расшаркался и покивал на аплодисменты, прозвучавшие в его адрес; кто-то протяжно свистнул, кто-то поддержал его. Он продолжил с места разединения: – Весь вечер звучали здравицы в честь нашего Виталика Аннинского, тогда как подлинным виновником торжества является его сын, и появился он на свет вчера. За что мы пили, товарищи? За «целкость» Виталика, за его добро-совестность и усердие в постели с красавицей женой, что он не допустил брака и родил мужика. Мне доводилось слушать подобные бредни, однако кое-кто из вас назвал меня бракоделом – что я родил «двустволку». Сейчас моя дочь мирно спит в своей кровати, может быть, не одна. Я сделал вид, что бросил вмешиваться в ее жизнь, года два назад, когда ей исполнилось шестнадцать. В ту пору мы с женой разошлись. С того момента, казалось мне, прошла целая вечность, в которой целиком уместилась моя новая, попахивающая рабской свободой жизнь. Что такое рабская свобода? Это когда рабу говорят, что он может катиться на все четыре стороны. Что делает чернокожий раб в первую очередь? Ну, для начала

залечит раны от плетки, а потом изнасилует белую бабу, похожую на его бывшую хозяйку. Что сделал я, белый раб, скинувший ярмо?

– Трахнул черную? – спросил я со своего места.

– Не-а. Я начал зализывать душевные рубцы.

– Зализывать? Звучит сексуально.

– И все, – не слушал меня Мазин. – Мне никогда не хотелось поиметь негритянку – в этом плане я расист.

Я склонился к Виталику Аннинскому, «который родил сына», и спросил:

– Ты не снимаешь на скрытую камеру?

Самый молодой член некогда грозной структуры (Следственный комитет военной разведки) покачал головой и зевнул. Виталик был всего на год моложе меня, а мне стукнуло тридцать. После «полураспада» Следственного комитета Аннинский пошел работать опером в отдел внутренних дел по Пресненскому району Центрального административного округа Москвы, я открыл свое дело и стал частным сыщиком. Алексей Мазин, чья хвалебная застольная песня затянулась, разменял «трешку», купил однокомнатную квартиру, а на остальные деньги приобрел «Сканию». Теперь он дальнобойщик. В общем, без дела из нашего комитета никто не остался.

– У меня предложение, – Виталик хмельно улыбнулся мне. – Давай сегодня нажремся, Паша?

– Давай, – поддержал я его.

Семь утра. Я едва продрал глаза, проснувшись с адского похмелья и почувствовав себя сатанистом. Вчера я неплохо оторвался и, надо сказать, мог себе это позволить. Я отчитался о проделанной работе, мой счет пополнился кругленькой суммой, и я с оптимизмом смотрел в будущее. С другой стороны, ничего не изменилось. Поцарапанная «Ауди-100» по-прежнему стояла под окном моей двухкомнатной квартиры на улице Поликарпова (совсем близко от ипподрома), в шифоньере на выбор пять или шесть костюмов, на стене в спальне десятка полтора вымпелов и кубков, которые я взял в финальных боксерских поединках в рамках Минобороны.

Я с минуту лежал с открытыми глазами, боясь, что они склеятся и я больше не увижу белого света. Эти шестьдесят секунд дали мне полное представление о моем состоянии: пора похмеляться не пришла – я все еще был пьян. Мысль догнаться пришла не сразу, но пришла, и я встал, чтобы продолжить «собрание для дружеской встречи» в одиночестве.

Протопав босыми ногами на крохотную кухню, я достал из холодильника банку пива и, больше утоляя жажду, нежели надираясь, осушил ее в пару глотков. Вторую банку я не осилил и вылил остатки в раковину. Спать. Спать до обеда, иначе я не человек.

Я проспал до часу дня. Мне приснился сон: я продвигаюсь в очереди в столовой, ставлю на поднос пельмени, компот, тонко нарезанный хлеб, расплачиваюсь на кассе, сажусь за стол, подцепляю вилкой пельмень, кладу его в рот и ни-

как не могу прожевать... Я встал, делая вид, что мне хорошо и меня не выворачивает наизнанку от собственного дыхания. Вынес мусор, пару минут пялился красными глазами на соседа, силясь понять, о чем он мне говорит. Наконец я созрел до решения похмелиться – но только под хорошую закуску. Спустившись в магазин, я купил томатного сока, сосисок, острой приправы, бутылку водки. Поэкспериментировал, добавив в кипящий томатный сок сто граммов «Столичной» и сварив в этом огненном бульоне сосиски. Выпив залпом стограммовую стопку, я запил водку горячим бульоном. Сосиску ел с такой жадностью, как будто неделю голодал напротив бизнес-центра «Москва-Сити», примкнув к всеобщей забастовке «оккупируй Уолл-стрит». Я обожрался, съев восемь сосисок и четыре куска хлеба. Лицо мое покраснело, на лбу выступила испарина, в черепной коробке прозвучало что-то старомодное: впрок пошло. И водка, и закуска. Я не узнавал себя и впервые примерил на себя слово «распущенность» (раньше это была разнузданность). Прошло несколько минут, и меня вывернуло прямо на палас. Я хотел было убрать блевотину, но меня от этого героического поступка отвлек телефонный звонок. На экране мобильного высветился незнакомый мне номер; поколебавшись немного, я все же ответил:

– Да?

Мужской голос (возраст звонившего человека я определил в пятьдесят лет) поздоровался со мной, извинился за

беспокойство, потом представился.

– Ваш номер телефона мне дала Ирина Александровна.

«Знаю такую» – мысленно прокомментировал я вступление звонившего.

– Собственно, она дала о вас благоприятный отзыв.

Немудрено. Но видела бы меня сейчас сенаторша... Я смотрел на кроваво-красную рвоту, которой еще можно было и похмелиться, и закусить одновременно, и вел деловой разговор.

– Слушаю вас.

– По телефону я смогу разве что назвать вам время и место встречи.

– Надеюсь, дело у вас не срочное. – Я продолжал глазеть на палас.

– Завтра, в два часа дня.

Я облегченно выдохнул:

– Меня это устраивает. Назовите адрес.

Я записал его на прилипашке и прилепил ее прямо на экран монитора.

Дав собеседнику возможность попрощаться первым, я прервал связь.

Он вышел на меня по рекомендации Ирины Александровны. (Фамилия у нее была Непомнящая, что для ревнивой женщины было оптимальным вариантом.) Что бы это ни означало – слишком мало информации. Я мог только пробить этого человека по базе данных мобильных телефонов,

а дальше, располагая начальной информацией, использовать другие базы на компьютере, которые я постоянно обновлял. Через полчаса я располагал привычной информацией для такого, как этот, случая: фамилия, имя, отчество, адрес (судя по номеру квартиры, он жил на втором этаже пятиэтажки, может быть), марка машины, долги по неуплате штрафов за нарушение ПДД...

Глава 2

Аксакал в генеральской папaxe

Я набрал на пульте домофона номер квартиры и собрался нажать на клавишу вызова, однако хрипловатый голос со стороны посоветовал мне этого не делать. Голос не принадлежал человеку, который назначил мне встречу по телефону.

Я обернулся и встретился взглядом с человеком моего возраста. Невысокого роста, в строгом костюме, со сломанным носом, он напомнил мне боксера-легковеса.

– Садитесь в машину, я отвезу вас к хозяину.

– С каких это пор боксеры водят машину?

Я проследовал за ним к огромному «Форду», сел на переднее сиденье, пристегнулся ремнем.

Наш путь лежал на восток, за город, и в середине пути, на пересечении Энтузиастов и Плеханова, парень громко рассмеялся.

– До меня дошло: сказав «боксер», ты имел в виду собаку.

– Нет, – серьезно ответил я. – Ты со мной лучше не шути: с юмором у меня беда.

Вскоре я убедился, что хозяин боксера действительно живет на втором этаже. Домина у него был самым высоким в этом тихом поселке в районе Реутова – на востоке за московской кольцевой. Старикашка стоял у распахнутого окна

и смотрел прямо на меня. И пропал из виду, когда я и мой сопровождающий направились к громадной двери.

Из просторного и прохладного холла, увешанного картинами, мы попали в гостиную. Навстречу мне шагнул сухопарый человек среднего роста, одетый в строгие брюки и теннису. Он протянул мне руку, сверля меня паучьими глазками.

– Прошу к столу. Выпьете что-нибудь?

– Апельсиновый сок, если не трудно, – прикинулся я трезвенником. – В высоком стакане и без соломинки.

Хозяин хмыкнул и жестом руки отправил боксера за соком. Тот вернулся через минуту и поставил передо мной высокий стакан с апельсиновым напитком. Этой минуты, которая прошла в молчании, мне хватило для беглого осмотра гостиной. В первую очередь мое внимание привлек портрет генерала в полный рост, очень похожий на работу Георгия Шишкина, разработавшего свою технику с методом подготовки основы под пастель. Мой визави позировал ему лет двадцать тому назад, более или менее точно прикинул я, когда художник еще жил и работал в Москве. Мой отец преподавал в художественной школе, я много почерпнул от него, но по его стопам не пошел.

Отец. Я всегда отвечал на его текстовые сообщения – два или три в неделю, не больше. Он изредка звонил мне, боясь оторвать меня от дел и считая меня занятым человеком. Что же, так и было на самом деле. Разговаривать с родителями

по телефону для меня – сущее мученье. Две-три фразы, и я начинал буксовать, подбирать слова и накручивать на палец воображаемый телефонный шнур. Еще я жутко не любил нравоучений, которые следовали за фразой вроде «у тебя голос сонный, ты не выпил?». И начинал психовать: «Нет (мама или папа), я не пил, и я не спал. На звонок сразу не ответил, потому что был в туалете. Да, я ел сегодня...» Нет, телефонные разговоры с родителями – это не для меня, это работа. Мы нечасто виделись – не чаще чем раз в полтора-два месяца, хотя жили в одном городе. Чаще они приезжали ко мне, ставя меня в известность по телефону: «Мы приедем». И называли время. Мне же приходилось подстраиваться под очередную визит, беспокоиться из-за горы грязной посуды в раковине, переполненного мусорного ведра, неубранной постели – что все это не успею убрать к их приезду. Но все приходило в норму, я добрел, становился ребенком, когда встречал их, угощал чем-то из холодильника. Моя жизнь, круто изменившаяся с распадом Следственного комитета, родителям не понравилась: я стал больше закладывать за воротник. А если честно, то просто стал выпивать, потому что на службе не пил вообще.

В преддверии встречи с родителями я вспоминал былое, как называл это сам мой отец. Я задавался вопросом: он воспитывал меня или нет? Он никогда не говорил мне, что дорогу нужно переходить на зеленый свет: он дожидался, когда погаснет красный, держа меня за руку. Он никогда не указы-

вал на пыль в моей комнате – он каждый выходной затевал генеральную уборку, и, казалось, его не волновал тот факт, что он убирается в одиночестве, а я, к примеру, прилип к монитору. Плюс еще множество важных моментов, которые дошли до меня поздно. И в этом свете я спрашивал себя: а воспитывался ли я своими родителями вообще? А может быть, я был той самой малой частью, которая воспитывала их самих? Они только делали вид, что подавали мне пример – вот в чем соль, – они приучали к порядку себя, без меня у них ничего бы не вышло. Конечно, я рассуждал как птенец, еще не вылетевший из гнезда.

Когда я в таком вот духе думал о наших взаимоотношениях, я, в общем-то, выписывал мысленную характеристику на себя: я – их продолжение; мои ошибки – их недостатки; мои достоинства – их гордость.

Я умел держать кисть в руках, знал многое про светотени и светопередачу, и, надо сказать, эти знания, привитые мне отцом, не прошли мимо меня: я стал отличным фотографом. Эти знания не раз выручали меня и в военном училище, в которое я поступил назло или вопреки, не знаю, как правильно. Они помогли мне в работе: я начинал с обычного топтуна: слезка, фиксация на пленку, отчеты... Два года, и я пошел на повышение: оставаясь в аппарате ГРУ, я влился в небольшой коллектив Следственного комитета. Мы расследовали преступления в военной среде и, по возможности, не выносили сор из нашей избы. Мне довелось участвовать в рас-

следовании одного финансового преступления, и следы привели меня в Главное финансово-экономическое управление Минобороны. Вольно или невольно, но я окунулся в историю этого подразделения: оказалось, что предшественником тогдашнего главы управления был генерал-полковник Николай Приказчиков. Он возглавлял его с 1996 по 2000 год. Прошло время, и вот я встретил этого генерала. Ему было около семидесяти, но голос у него оставался молодым; во время телефонного разговора я неверно определил его возраст.

Мы сидели друг против друга за длинным столом, сервированном фруктами, среди которых особо выделялась гроздь винограда, и минеральной водой. Я глотнул сока, хозяин поддержал меня, плеснув в свой стакан нарзана. И серьезно озадачил меня вопросом:

– Вы, конечно, слышали о банде «Бешеные псы».

Я машинально кивнул: да. И многозначительно выпятил губу: а кто не слышал об этой банде налетчиков и убийц? Банда бесчинствовала в Москве и Московской области на протяжении двух лет, на счету бандитов восемь вооруженных ограблений инкассаторов, банков, ювелирных магазинов. На их счету больше тридцати жертв. Общая сумма награбленного порядка тридцати миллионов долларов.

– Никто их не видел, но все о них говорят, – ответил я клише.

– Я видел, – сказал генерал. – Одного из них знал очень хорошо.

– Неужели? – я подался вперед.

– Я говорю о моем сыне, Родионе, – продолжал Николай Ильич. – Он был членом банды. Он был верен товарищам и подчинялся уставу организации. Он присягал на верность этому преступному союзу людей с упоминанием самого дорогого: он клялся матерью. В случае его предательства она должна была умереть первой, только потом он. Так и случилось на самом деле. Ей на голову надели полиэтиленовый пакет, она задохнулась. Родиона его дружки сожгли заживо.

Я не представлял, куда приведут откровения генерала Приказчикова. Для нас обоих наилучший вариант – это психическое расстройство старика. И мне, и ему требовалась пауза.

– Хотите выпить? – повторно настоял он.

Мне отчего-то захотелось уважить старика – не выпить с ним водки, а отказаться: «На работе не пью». Но это означало согласиться пахать на него, подписывая виртуальную бумагу; в таких случаях, как этот, достаточно было кивка, стандартной фразы: «я берусь за это дело», «обговорим условия», «хорошо», «да». Похоже, генерал знал об этом: он налил водки себе и вопрошал глазами у меня: «Налить?» Это была игра, не более того, но она была частью нашей встречи.

– Одна рюмка не повредит.

– Вы не алкоголик, товарищ генерал-полковник?

Надо было что-то сказать – чтобы уж точно не пить за упокой генеральской семьи, однако мы выпили молча.

– Вероятно, вам хочется узнать причину, по которой я передаю материалы частному лицу, а не прокурору.

Я представил, что мы с ним выпили на брудершафт: «Ты еще ничего не передал».

– Если я скажу «да», а вы назовете причину, пути назад у меня уже не будет: ваш боксер порвет меня со словами: «Ты слишком много знал».

– Он не заслуживает безразличия. Он никогда не был и не будет объектом для насмешек. Он не денщик при генерале, но офицер...

– Понимаю, – пришлось покивать мне. – Один момент: он все еще на службе?

– Уволился из армии шесть лет тому назад. Он занимал должность младшего научного сотрудника спецдачи в Во-лынках.

Еще одна цифра шесть. Везло мне на шестерки. Я невольно почесал голову.

– Мы будем говорить о нем?

– Если понадобится – да. Он того заслуживает.

– Заслуживает, – это вы верно заметили.

– И еще я кое-что заметил: ты оттягиваешь время. Ты уже слишком много узнал, посидев со мной за одним столом. Наплюй на чувства, просто прими мое предложение, и ты заработаешь хорошие деньги.

– Насколько хорошие? – оживился я.

– Тебе нравится этот дом?

Я присвистнул так громко, как будто проверял здесь акустику. И она мне понравилась.

– На след банды не могут выйти все силовые структуры страны, чего вы ждете от одиночки?

– Ты знаешь ответ на свой вопрос: не могут – значит, не хотят. Возможно, очень влиятельное лицо жмет на педаль тормоза.

– Хотите, чтобы я выяснил имя этого человека?

– По ходу дела ты выяснишь и это тоже. Я хочу узнать имена людей, которые убили моего сына и жену. А потом...

– Потом вы уедете, оставив ключи от дома на столе. – Для наглядности я постучал по столу ладонью. – А сами поселились в той пятиэтажке, около которой меня подобрал Боксер. Вы воспользовались чужим мобильником и направили меня по чужому адресу, зачем?

Ответ лежал на поверхности. Мы с генералом могли стать перед зеркалом и посмотреть, ху из ху, чисто визуально. Он лично опасался, что я спасую перед его громким именем и откажусь ехать в этот элитный, охраняемый поселок. Но точного ответа на этот вопрос я не дождался.

– Если я скажу «да», вам придется отвечать на личные, порой неприятные вопросы. Вы готовы тряхнуть грязным бельем при постороннем?

– Я пойду на это.

– Ладно. Вы располагаете каким-нибудь материалами, которые помогут мне в расследовании?

– И да и нет, – Приказчиков пожал плечами. – Ты ознакомишься с материалами. Единственно верное, на что они указывают, это на причастность моего сына к преступлениям – грабежи, изнасилования, убийства, они же бросают тень на меня. Если в банде узнают о существовании этих материалов, мне конец: я разделю участь моих близких.

– Какого рода материалы?

– Сын оставил видеозаписи.

– Хаотичные или в виде дневника?

– Именно видеодневник, – подтвердил Приказчиков.

– В сети?

– Скажем... в домашней сети, – подобрал он определение. – За пределами этих стен о них никто ничего не знает. Время от времени Родион записывал на кассету личное, что так или иначе волновало его, как будто он сам с собой делился воспоминаниями.

– Зачем он это делал?

Генерал пожал плечами.

– Может быть, ты ответишь на этот вопрос, когда изучишь дневник.

– Разумеется, о нем знаете только вы. – Я указал большим пальцем на дверь гостиной. – А ваш унтер?..

– У тебя будет время расспросить его об этом.

– Значит, да. Еще один момент.

– Выпьешь?

– Вы пейте. Свою долю я возьму с собой. Я бы закурил, но

что скажет моя новая подружка, когда увидит прокуренные потолки?..

Генерал подошел к камину, снял с полки три вещи и поставил их передо мной на стол.

В первую очередь меня заинтересовала настольная зажигалка в виде громадной игральной кости. Я прикурил от нее и тут же воспользовался второй вещью – пепельницей из зеленого мрамора. На третью вещь я только посмотрел – причем очень внимательно. Это была фотография в рамке, на которой фотограф запечатлел трех человек: генерала, его жену – лет пятидесяти, полноватую женщину, и сына, возраст которого я определил... в двадцать семь лет. И спросил об этом у генерала:

- Сколько Родиону на этом снимке, двадцать семь?
- Да, столько и останется.

Был бы он рок-музыкантом, подумал я, то попал бы в так называемый «клуб 27», членом которого, в частности, стал Александр Башлачев, выбросившийся из окна, да еще и родившийся 27 мая. Что-то еще было связано с этим названием. И я вспомнил: «Клуб 27» – так назывался роскошный отель, расположенный «в центре культурного и модного района Москвы», на Малой Никитской, 27. Владелец отеля упустил, на мой взгляд, один очень важный момент: ему стоило заказать хит музыкантам легендарной рок-группы «Иглз»... Было бы символично снять номерок в этой гостинице и пораскинуть мозгами над делом генерала хотя бы в стандарт-

ном номере и за его счет.

– Родион похож на мать, – отметил я. – Немного, правда.

– Да, – глуховатым голосом отозвался генерал-полковник. – *Немного похож.*

Я вернулся к вопросу, который так и не задал ему:

– Меня вам порекомендовала Ирина Александровна. Она...

– Нет, она ничего не знает о видеодневнике, но уважает мои чувства воздать должное убийцам моей семьи.

Мне показалось, этот момент генерал отрепетировал: полная драматизма фраза буквально отскочила у него от зубов.

– В разговорах с Ириной я был осторожен и ни разу не сбился на «Бешеных псов», – продолжал он. – Родион попал под влияние, его затянуло в плохую компанию и так далее. В последнем разговоре с ней прозвучало ваше имя.

Генерал Приказчиков обращался ко мне когда на «ты», а когда на «вы», машинально, скорее всего; так автоматически выбирает игрок постановку руки на бильярде: высокий мост, классический, игра с борта. Возможно, обсуждая с Ириной Непомнящей мою кандидатуру, генерал называл меня «оно».

Сейчас «оно» сильно сомневалось: стоит ли ему браться за это опасное, пахнущее смертельной расправой дело, «оно» же лукавило перед самим собой: ему представлялся уникальный случай выйти на банду грабителей и убийц, заполучив, по сути, секретные материалы. И еще «оно» очень

хотело поселиться в этом доме. «Оно» еще не видало всех комнат, но ему уже не терпелось затопить камин и приступить к перепланировке.

Генерал продолжал:

– Я и сам навел справки о тебе. У тебя связи с полицией, есть и свои собственные агенты, у тебя богатый опыт работы в Следственном комитете ГРУ.

– Вы наводили обо мне справки – по каким каналам?

Я на миг забыл, с кем я в данный момент разговариваю. У кого деньги, у того информация, и наоборот. Генерал, видимо, давно замкнул этот круг. Однако с годами круг сужался. Николай Ильич уже лет десять как вышел в отставку, и его влияние в военных и финансовых кругах ослабело, наконец он превратился в уважаемого, но все еще богатого человека. Аксакал в генеральской папаше – ему подошло бы это прозвище.

Пауза затянулась. Генерал-полковник не прерывал ее, давая мне пораскинуть мозгами.

– Человек с подмоченной репутацией, как у тебя, находка для меня. – Он сам напомнил мне, где и когда я уронил свой престиж военного разведчика: незадолго до распада Следственного комитета, в одном из ингушских городов. – Не имея доказательств вины подозреваемых, ты облачился в судебную мантию и надел колпак палача. Ты вывез двух ингушских парней за город и пустил их в расход.

– Если бы я не пустил их в расход, они бы продолжили

убивать. Мне нужно добавить «мирных жителей» или так сойдет?.. Ваш источник информации доложил вам о том, что преступную деятельность этих двух отморожков прикрывал начальник местной милиции?

– Да, мне об этом известно. И после твоей рейдерской поездки в солнечную Ингушетию начальника расстреляли прямо на пороге родного отдела внутренних дел. Не скажу, что с бандой, но с группировкой бесчинствующих налетчиков было покончено.

– Вы правильно заметили – за одним исключением: я не рейдерствовал там, а находился в служебной командировке – расследовал обстоятельства смерти военнослужащих, проходивших там службу. Там – это в Ингушетии, – я большим пальцем указал себе за спину.

– Что же, и я сделаю маленькое исключение, – Николай Ильич сблизил пальцы, показывая его малую величину. – Цирк уехал, а клоуны остались. Старший вашей следственной группы остался в Ингушетии – капитан Алексей Мазин, он и сыграл последний аккорд.

– Считаете, это Мазин расстрелял полковника милиции? Приказчиков кивнул:

– Да, я так считаю.

– Это частное мнение частного человека.

– Не кипятись, Павел. Я же не сказал, что твой поступок идет в разрез с моими представлениями о чести и достоинстве офицера – наоборот. Вернемся к началу разговора. На

чем мы остановились?

– Я вам подхожу, – напомнил я, начиная психовать. Я и сам шарил в чужих душах и копался в чужом грязном белье и терпеть не мог, когда кто-то проделывал это со мной. И вообще, я впервые столкнулся с такой ситуацией, и она не пришлась мне по душе. Почему бы мне не развернуть лыжи, пусть даже оставив здесь палки?

Я более внимательно взгляделся в блеклые глаза *финансиста* и, клянусь, увидел ответ, который мне не позволил отказаться от его предложения: то, что когда-то я делал бесплатно, я мог сделать за деньги. В глазах «пехотного» генерала я бы увидел только окопную пыль и вывернутый наизнанку пустой кошелек. Правда, «бесплатно» означало – по велению души. А проще это звучало так: мы со старшим лейтенантом Виталием Аннинским вели дело об убийстве военнослужащих и отправили их убийц туда, где им был уготован самый жаркий уголок.

Может быть, генерала Приказчикова неверно информировали – за город двух ингушских ублюдков, на счету которых было четыре трупа и четыре же искалеченные семьи, мы не вывозили. Один из них – по имени Руслан – жил на окраине города. Располагая оперативной информацией о местонахождении подозреваемых по адресу Руслана, мы с Виталиком вооружились и приехали на место на «уазике»-буханке; его Аннинский увел с условно-штрафной стоянки при штабе УВД; главное, что он не числился в угоне и мы могли вер-

нуть его на место, «как будто ничего не было».

Мы были в шлемах с длинным, защищающим горло забралом, вооруженные «АК-74» с приборами для беспламенной и бесшумной стрельбы. Стоя плечом к плечу и двигаясь разнонаправлено – он прямо, а я спиной вперед, мы превратились в отличную мишень, зато приобрели круговой обзор и в оперативности могли опередить противника. А если бы мы разделились и координировали действия друг друга по радио, превратились бы в разобранный танк: башня в одном месте, корпус в другом. Улица тонула в темноте. А здесь, во дворе этого богатого дома, хозяева которого не любили собак, а к людям относились как к собакам, горели вполнакала светильники, демаскируя нашу «паучью» пару. Поэтому мы выбирали по возможности затененные участки двора. За машиной гостя (его звали Хасан) – «Мерседесом» G-класса, угнанным по заказу из центральной России, мы с Виталиком сделали остановку, прислушались. Из дома доносилась восточная музыка, перекрываемая мужскими и женскими голосами. Дом был поделен на две части – но не на мужскую и женскую половину, как в большинстве традиционных восточных домов, а на молодежную и «остальную»; в последней, окнами выходящей в сад, жили родители Руслана.

Следующую остановку мы сделали непосредственно у крыльца, по обе стороны которого стояли, как на страже, высокие, похожие на гигантские рюмки вазоны. Слева от крыльца раскинулся жасминовый участок. На его благоуха-

ние Хасану было наплевать. И он вместо того, чтобы смыть пыль с колеса своего «мерса», помочился на жасминовый куст. Я находился в полуметре от него и терпеливо ожидал окончания этой водной феерии. И когда он тряхнул членом и застегнул ширинку, я тихонько спросил у него:

– Ты кончил? А то нам надо начинать.

Поймав его взгляд и поместив его в надежное место моей памяти, я придавил спусковой крючок «калаша». Плотная очередь вспорола бандиту бедро, пах, живот, грудь и голову. Я поднимал ствол и прошивал свою жертву так, как будто расстегивал на ней «молнию»: из Хасана только что не полезли внутренности. Этот сукин сын, проливший кровь наших товарищей, оказался таким живучим, что только вмешательство Аннинского положило ему конец: Виталик отстрелялся ему в голову двумя короткими очередями.

Приборы бесшумной стрельбы, установленные на наших автоматах, бесшумными были условно. Ствольная коробка не могла сдержать лязга блока с затворной рамой. Мы на шумели, и нас слышали. Смолк один голос в доме, другой, кто-то приглушил музыку, и она стала фоном к нашей операции. Аннинский чуть нервно шепнул мне: «Я требую продолжения банкета», и мы покинули временное убежище. Мы входили в дом уже спина к спине, плотно, буквально до скрипа пластин в наших бронежилетах. Нас втянуло в короткий коридор. Прямо – дверь в старшую половину, направо – точно в большую комнату молодежной половины. Виталик повер-

нул направо, я пятился за ним, прикрывая его. Мне не обязательно было видеть то, что видел он, меня в таких случаях не раздирало любопытство. Отморозки, встречавшие нас, поверили в свою безнаказанность, как в бессмертие, и встречали нас с лицами заговоренных от свинца горячего и клинка холодного. Но первая же очередь из автомата сняла с них всю магическую силу и выбила дурь из головы. Руслан успел вытащить пистолет, с которым не расставался даже на горшке. Аннинский отстрелял ему точно в голову. Когда я очередью из своего автомата загнал родителей Руслана обратно в их половину и «оглянулся посмотреть», я не увидел ни капли крови на лице этого 23-летнего уroda, только несколько свежих открытых язв – на щеке, под глазом, на лбу. Он моргнул раз, другой и рухнул на пол с прямой спиной, как будто был привязан к шесту. И только тогда из его раны зафонтировали вверх струи горячей, пенистой крови. Я включился в работу и прострелил ноги двум другим парням, чтобы не дергались. Аннинский уложил на пол размалеванных подруг, дав длинную очередь у них над головой. На обратном пути мне пришлось утихомирить отца Руслана, разбив ему голову. Я ударил его в лицо каской, а когда он отшатнулся от сильного удара, врезал еще и прикладом.

В общем и целом, мы отработали чисто и тихо, просто, без «спецэффектов», и на «буханке» же вернулись на базу. Утром следующего дня мы покинули эту некогда автономную, сожительствовавшую с Чечней республику – наша коман-

дировка закончилась. Поздно вечером, когда я, валясь с ног от усталости, добрался до дома, по ящику увидел новость, принесшую мне полное удовлетворение: возле своего дома неизвестными был убит начальник местной милиции полковник Магомедов. К его смерти наш Следственный комитет никакого отношения не имел. Но его смерть была вопросом времени: полковник, из высокого дома которого был виден Кремль, нажил врагов и среди «наших», и среди «ихних». Назавтра мы с Виталиком встретились в пивной, нажрались и поругались. Я набил ему морду. Через час мы снова стали друзьями – водой не разольешь. А буквально через месяц наш Следственный комитет прекратил свое существование, и его осколки упали в милиции, в таксомоторном парке, в офисе детективного агентства... И мы стали встречаться все реже и реже.

Генерал-полковник Приказчиков поднял со дна моей памяти воспоминания, и я даже должен быть благодарен ему за это. Я не представлял, что могу снова так остро пережить дела давно минувших дней.

А теперь мне предстояло ответить генералу взаимностью – пробить его по своим каналам и нащупать его слабое место. Но прежде – вернуться действительно к началу нашей беседы.

– Вы говорили о дневнике вашего сына. Где я могу посмотреть видеоматериал? Как я понимаю, это можно сделать, не покидая этих стен.

– Ты правильно понимаешь, – подтвердил он.

Генерал встал, подошел к двери, открыл ее и позвал своего боксера. Тот вошел в гостиную и встал, не сводя с меня глаз. Хозяин небрежно боднул в мою сторону:

– Если он вильнет хвостом – убей его.

– Так не пойдет, – запротестовал я, помогая себе жестами. – Вилить хвостом можно по-разному. Он радости, например. Скажите ему, чтобы он убил меня только в случае измены.

– Убьешь его, если он снова начнет валять дурака. Ступай, – отпустил боксера генерал и вернулся за стол. Побарабанив по нему пальцами, он продолжил: – Просмотр дневника займет какое-то время. Не переживай: человек, которого ты называешь боксером, присмотрит за твоими комнатными цветами. Сам-то ты забываешь их поливать.

– Как зовут вашего унтера?

– Олегком. Олег Прохоров.

Генерал лично проводил меня в мою комнату, где для меня главной вещью стала старомодная японская видеодвойка JVC с диагональю 37 сантиметров.

– Глаза сломаешь, – заметил я генералу. – У вас нет плазменной панели?

– Скажешь мне, когда будешь готов, – оборвал он меня, – я принесу тебе первую кассету.

– А всего их – четыре, пять? – попробовал угадать я.

– Семь.

Я присвистнул, искусно выражая удивление.

– Здесь на столе все, что тебе может понадобиться: бумага и ручка для заметок...

– Негусто.

– Захочешь есть – спустись в столовую, – продолжал Приказчиков. – Чувствуй себя как дома. – И продолжил: – Твое имя, номер твоей машины я передам на КПП поселка и установлю для тебя безвизовый режим.

Усмехнувшись над собственной шуткой, он ушел, оставив меня один на один со своими мыслями и настроением. Мне не терпелось приступить к работе, однако я тянул время, предчувствуя лавину переживаний. Мне еще никогда не доводилось смотреть откровения грабителя, насильника и убийцы. *Откровения* – вот что заранее подкатило ком к горлу. А каково было самому генералу, ведь о преступлениях в деталях он услышал от собственного сына. В деталях – об этом говорили видеотома, целая коллекция сообщений, открывающих тайну «Бешеных псов».

Слово «пора» я сказал себе по истечении часа, когда ознакомился с частью дома на первом этаже. Столовая поражала не величиной, но чистотой; и я прикинул, что без домработницы здесь не обошлось и убирается она минимум три раза в неделю, а может быть, приходит каждый день. Внутри двухметрового и двухдверного холодильника я нашел свежие продукты; у меня сложилось впечатление, что я выбираю товары в продуктовом отделе супермаркета. Посыпав

сосиски тертым сыром, я разогрел их в микроволновке со встроенным грилем. Наскоро поужинав и прихватив с собой упаковку томатного сока, я постучал в кабинет генерала.

– Разрешите?

Последовавший ответ огорошил меня:

– Нет!

Он не позволил мне перешагнуть порог кабинета – как будто увидел торчащий из моего кармана уголок рецепта из лепрозория. Погремев ключами в углу помещения, Николай Ильич вынул из сейфа кассету и передал ее мне. И захлопнул дверь у меня перед носом. Это оказалось так неожиданно, что я оглянулся. Я бы не удивился, увидев себя на улице.

Ладно. Я вернулся в комнату, вставил кассету в деку магнитофона. Устроившись в кресле, пультом включил воспроизведение.

Я представил себе первые кадры видеодневника – и не ошибся, поскольку ситуация казалась мне стандартной. Я увидел крупное, во весь экран, расфокусированное от близости с видеокамерой лицо. Два-три мгновения, и оно стало удаляться – вплоть до точки, в которой получило наилучшую резкость. И точкой этой оказалось кресло, в котором я устроился, как в кинотеатре, для просмотра. Вот дермо, выругался я. Такое чувство, что примерил гроб покойника. Я оглянулся и разглядел на двери обложки от сиди-дисков: от традиционного американского рок-н-ролла (Финис Тасби, «Блюз Трэвелер») до тяжелого европейского рока

(«Расмус», «Раммштайн»). Снова повернулся к телевизору: изображение показало, что Родион сидел точно перед этой дверью; я был уверен, что это кресло не двигали с места со времени последней съемки. Я даже перегнулся через подлокотник и посмотрел на пол. Конечно, я ошибался: паркет вокруг кресла был покрыт характерными бороздами; кресло двигали часто, на дальние и близкие расстояния.

Черт меня возьми: я смотрел на экран видеодвойки, которая во время съемок превращалась в видеотройку, дополняясь видеокамерой. Сын генерала использовал видеокамеру стандарта видеохоум-систем, и в этом плане одной ногой он стоял в цифровом веке, а другой – в аналоговом. Уже прозвучали его первые слова, и я, занятый натуральной мышинной возней, не разобрал их. И вместо того, чтобы воспользоваться пультом, который я держал в левой руке, я встал с кресла и невольно повторил покойника: потянулся рукой к блоку управления, и мое лицо оказалось чуть выше телевизора, на том уровне, где во время записи стояла видеокамера. Перемотав пленку на начало, я включил воспроизведение. Глядя на экран телевизора, отступил к креслу. Синхронно со мной к этому же креслу отступил «бешеный пес». Я не рассчитывал на психологическое воздействие, вызвавшее у меня приступ тошноты: покойник, повторявший мои действия и следящий за мной из глубины телевизора...

Я вытянул руку и тотчас сжал подрагивающие пальцы в кулак. В голове прозвучали призывы генерала: «Выпьешь

что-нибудь?», «Хотите выпить?», «Выпьешь?», и в этот раз я решил принять все предложения генерала и надраться в дым. Я остановил воспроизведение, нажав «паузу» на пульте, а другой рукой пригрозив «бешеному псу»: больше я к ящику не наклонюсь. Перешагнув порог комнаты, я оглянулся. На экране телевизора застыло изображение парня с полуоткрытым ртом и полузакрытыми глазами. На меня смотрел больной человек; но если промотать пленку вперед на несколько кадров, то на меня вновь взглянет здоровый человек: он успеет моргнуть и завершить слово.

Через десять минут я снова постучал в дверь генеральского кабинета.

– Что на этот раз?

– Где тут у вас водка? В холодильнике на кухне только сок и минералка. Вы что, спиртное от своего боксера прячете?

– Хочешь выпить?

Я рассмеялся.

Прошло еще пять минут, и мы, выпив по стопке, смотрели друг на друга потеплевшими взглядами.

– Вообще-то я на работе не пью, – объяснил я, наливая по второй. – Но сегодня у меня выходной, и я решил провести дома его. – Я снова окинул взором почти что свою гостиную. Чтобы сделать сказку былью, мне оставалась самая малость: сделать то, чего до меня не смогло сделать Министерство внутренних дел в полном составе. Мне предстояло выслушать покойника и найти людей, которые отправи-

ли на тот свет его самого и его мать. Короче говоря, пойти туда, не знаю куда, найти то, не знаю чего. Но банда – это прежде всего организация, поэтому редко когда правоохранительные органы берут верный след после первого ограбления. Та же легендарная «Черная кошка» грабила и убивала на протяжении трех лет. «Бешеные псы» совершили семь или восемь дерзких ограблений.

Я первый раз пил с генералом. И первый раз видел пьяного генерала – с покрасневшими, слезившимися по-стариковски глазами. Я мог бы его пожалеть, но сам был пьян в стельку. И я сказал ему то, что вертелось у меня на языке:

– Завтра я вам посочувствую, Николай Ильич.

– Завтра будет другое настроение, – сказал он мне, и я согласился с ним:

– Завтра утром я сочиню песню «Трезвость», переплюнув Пола Маккартни с его «Яичницей». Завтра я трезвым взглядом посмотрю в глаза вашего сына...

Глава 3

Зачатие банды

...Я остановил воспроизведение, когда мой виртуальный визави взял паузу. Мы оба закурили: я – сейчас, он – тогда, когда еще был живой. На экране телевизора замер стоп-кадр, на котором снова – расфокусированное, снятое крупным планом лицо Родиона Приказчикова.

Пока я не мог оперировать информацией, хотя немало почерпнул из первого тома видеодневника. Мне предстояло разобраться в своих собственных чувствах: как я отношусь к человеку с его чистосердечными признаниями. А человеком он был вполне состоятельным. Но, как говорят, богатые иногда такое вытворяют...

Меня поразило начало. У меня сложилось стойкое чувство, что человек на экране пользуется телесуфлером. Хорошо поставленным баритоном он как будто работал над аудиокнигой. Вот его первые слова, первые видеострочки: *«...должно быть, был момент тогда, в самом начале, когда мы могли сказать – нет. Но мы как-то его упустили»*. Я сразу понял: это цитата. Но откуда он выдернул ее? Родион снял этот вопрос, легко, надо сказать, выговорив сложное название фильма: «Розенкранц и Гильденстерн мертвы». Кто эта парочка, об имена которых можно было язык сло-

мать? Я включил компьютер, воспользовался поисковиком и узнал вот что. Розенкранц и Гильденстерн – второстепенные персонажи трагедии Шекспира «Гамлет». Они, замечая, что подброшенная монетка снова и снова выпадает орлом, высказывают свои предположения и задаются вопросами. Сюжет этого фильма – «пронизывающий философский вопрос фатализма и свободы воли» (от фатального выпадения монеты до смерти главных героев) звучит из уст готовящегося умереть на виселице Гильденстерна: *«...должно быть, был момент тогда, в самом начале, когда мы могли сказать – нет...»*

Мне предстояло составить общее представление об этом, безусловно, грамотном, умном, начитанном, сильном человеке. Собственно, если прибавить к перечисленному смелость Родиона Приказчикова (не каждый решится сострять такое досье, за которое полагалась мученическая смерть от товарищей или пожизненный срок от прокурора), то вырисовывался вполне конкретный образ. Что для него сбор и возможное обнародование компромата на самого себя? Дополнительная доза адреналина?

Конечно, я забегал далеко вперед, зная, в каком качестве и когда именно доберется до финала этот человек: насильником, грабителем, убийцей. Мне предстояло до конца выслушать его рассказ и ответить на вопрос, как он докатился... до смерти такой. (И тут я понял, почему генеральский сын привел цитату из «Розенкранца и Гильденстерна». Он и был

Гильденстерном: повествование шло от «готовящегося умереть». С ума сойти.) Но, скорее всего, Родион сам расставит все акценты. Я задался вопросом: кому интереснее было бы слушать рассказчика, тому, кто знал финал, или тому, кому он не был знаком? Интрига в его рассказе была заложена и для тех и для других. Передо мной лично Родион предстал отрицательным героем, но был ли он негодяем? Пока ничего отталкивающего в нем я не увидел. Больше того – в нем чувствовалась какая-то притягательная сила. Жаль, очень жаль, что его уже нет в живых. Может быть, даже скорее всего, я поменяю мнение о нем.

Для меня были важны такие моменты. В работе я часто руководствовался ими. Не всегда помогал психологический портрет того или иного человека, все зависело от характера работы. Слежка за неверными супругами – лишь часть сыскной деятельности вообще, в которой я поднаторел на службе в Следственном комитете.

Поняв смысл предстоящей работы и проделав ее часть, посчитав ее не такой сложной, я мысленно вернулся в те времена, когда садиться за руль можно было чуточку подшофе. Я решил ограничиться пивом и отправился на поиски боксера. Дом большой, и боксера я мог найти разве что по запаху.

Я не нашел Олега ни на первом, ни на втором этаже и понял, что предоставлен самому себе. Налички у меня было – кот наплакал. Тем не менее я вышел из дома и направился в центр поселка. Пять минут прогулочным шагом, и я порав-

нялся с магазином, оформленным в стиле современной автозаправки: пирамида из зеркального стекла и стали. Внутри было прохладно; свет соответствовал цвету стекла – голубоватый, слегка напрягающий глаза. Я бросил взгляд на высокую витрину и увидел камеру слежения. И даже попробовал себя в роли Гильденстерна:

– «Должно быть, был момент тогда, в самом начале, когда мы могли сказать – нет».

Чтец, надо сказать, из меня был никакой. Я даже не привлек внимание продавца – лет двадцати пяти, небритого и длинноволосого, пялившегося в телевизор: шел какой-то футбольный матч. Командные виды спорта умерли для меня в тот самый день, когда команда моя распалась и я стал пахать на себя. Почти сразу понял одну вещь: одиночка чувствует себя уверенно, если он – профессионал.

Я пробежал глазами ценники. Цены на товары были бешеными.

– Упаковку «Хольстена», – мне пришлось повесить голос, чтобы продавец отвлекся от телевизора и обслужил любителя немецкого качества. – Холодного.

– Холодное на складе, я сейчас принесу.

Его не было минут пять.

– Склад у вас через кольцевую дорогу? – спросил я и не дождался ответа: соображалка у продавца была в том же месте. Расплатившись за пиво и открыв одну банку, я ввел торговаша в курс дела: покупаю дом, видеться будем часто. – Ты

знал Родиона Приказчикова?

Мой вопрос поставил его в тупик. Он не сразу ответил, как будто из нескольких вариантов ответов выбирал наиболее безопасный.

– Я видел его несколько раз.

Дверь в служебное помещение снова открылась, и в торговый зал шагнул плечистый мачо, как будто телепортировался из пляжного домика, где ему было приятно жить и работать. Черные длинные волосы были перетянуты резинкой, треугольный вырез майки открывал на обозрение волосатую грудь. Надо ли говорить, что он был небрит?

Он подошел ближе.

– «Хуго Босс»? – потянул я носом. – «Ин моушн»? У меня такой же.

– Да, исчерпывающая информация, я запомню, – сказал он. – Но мы никакой информации о наших клиентах не даем.

– Значит ли это, что мой фирменный запах останется секретом для моих поклонниц?

– Рады будем снова видеть вас в нашем магазине, – ответил мачо на мой длинный вопрос. – А сейчас – мы закрываемся на обед.

Я посмотрел на часы, было восемнадцать минут третьего.

– Вижу, вы выбираете не точное, но лучшее время для обеда.

– Верно! – фальшиво обрадовался он.

– Один момент, – остановил я его жестом. – Я тоже куплю

кое-что пожрать. Я бы остался и пообедал с вами, но вряд ли вы придете в восторг от моей привычки блевать прямо себе под ноги. – Я вернул сдачу продавцу. – Взвесь-ка мне корейки на все деньги.

Я зажег злые искры в глазах мачо. Мысленно он рвал меня на куски, поднимал за руки и за ноги и бросал на витрину. Но мой взгляд для него тоже кое-что значил. У меня были глаза Майка Тайсона и живот тренера женской сборной по гандболу. Все удары, которые я когда-то выдержал, были написаны у меня на лице.

Я возвращался, испытывая на спине неприязненный взгляд администратора магазина. В следующий раз нужно спросить его имя, твердо решил я.

На пороге дома меня встречал Олег Прохоров.

– Внутри столько ценностей, – намекнул я. – Один портрет чего стоит. Не боишься оставлять дом без надзора?

– Нет.

– Я думал, ответ будет подлинней... Как часто хозяин оставляет дом? Спрашиваю не из праздного любопытства и не в ущерб генералу. Твой ответ поможет мне в расследовании, – поторопил я его. – О нашем разговоре можешь наступать в любое время.

Боксер сдался.

– Каждую субботу хозяин уезжает в Апрелевку, возвращается в воскресенье.

– Не близко, – заметил я. Апрелевка – это городок в На-

рофоминском районе, отсюда километров семьдесят будет. – И что он там делает?

– Встречается с друзьями в клубе.

– «Клуб 72»?

– Напрасно зубоскалишь. – Олег выдержал многозначительную паузу.

Стало быть, подумал я, этот дом пустует в ночь с субботы на воскресенье.

В комнате генеральского сына я снова занял место в кресле и продолжил просматривать его дневник, еще раз отметив его хорошо поставленный голос.

«Это событие пришлось на июньский день – не столько жаркий, сколько такой душный, что я невольно выискивал в небе притаившуюся грозовую тучу. Но дождь не пролился ни в этот день, ни в следующий: сухая жаркая погода продержалась до конца месяца.

В кинотеатре, из которого после сеанса повалил народ, двери во время просмотра были распахнуты настежь, что отвлекало тех, кого фильм откровенно не захватил. Я же не мог оторвать глаз от экрана, и дебютную ленту Квентина Тарантино просмотрел от первого кадра до последнего. Я бы не купился на дебют, если бы не одно но: более поздние работы Квентина Тарантино, и в первую очередь это, конечно, нашумевшая и ставшая культовой лента «Убить Билла». И только спустя время во мне проснулся интерес к его более ранним работам, и так случилось, что дебютную

работу американского режиссера я посмотрел в последнюю очередь.

Фильм, который я только что посмотрел, назывался «Бешеные псы». Однако дословный перевод с английского («Reservoir dogs») – это «Резервуарные собаки», то есть речь шла о собаках-переносчиках, носителях возбудителя инфекции. И в моем сознании укрепился окончательный и, на мой взгляд, точный перевод – «Зараженные псы». Потому что бешенный в моем представлении – это психопат, неуравновешенный человек. А зараженный... В книге «Граф Монте-Кристо» главный герой говорит: «Вина бешеной собаки только в том, что ее укусила другая бешенная собака». И речь там шла именно о заражении через укус, о насыщении болезнетворными микробами организма.

Я заразился этим фильмом, в основе которого был заложен принцип «сначала ответы, вопросы потом», и в рамках выбранной структуры истории отдельных персонажей были изложены в виде глав: «Мистер Белый», «Мистер Блондин», «Мистер Оранжевый». Я ставил себя на место мистера Синего, мистера Розового, судьба которого осталась для зрителя неизвестной, и на себе испытал, что вина каждого «пса» в том, что его укусил другой бешенный пес. В общем и целом речь шла об очаге эпидемии, о неизвестном вирусе, передающемся от одного к другому. Этот фильм походил на пресловутую видеокассету из ужасстика: кто просмотрел ее, тот был обречен...

Я просмотрел все фильмы Квентина Тарантино, начав с середины, с его «Убить Билла», и закончил, как я уже говорил, его дебютной кинолентой. И не мог не согласиться с некоторыми критиками, утверждавшими, что в фильмах Тарантино речь идет о других фильмах.

Я узнал этого сухопарого, аристократично бледноватого и сильного парня лет двадцати восьми. В тот душный июньский же день он выходил из кинотеатра впереди меня, однако никуда не торопясь. Находясь под впечатлением картины, размышляя о судьбе мистера Розового, в которого фактически за кадром стреляли полицейские и кричали ему, чтобы он бросил оружие, я не мог не заметить шеврона на его майке цвета хаки – эмблему спецназа военной разведки в виде летучей мыши. День выдался жаркий, я повторяю, и этот парень, как и многие, был одет легко: шорты, сланцы, майка без рукавов. Он и я – мы были одной крови: я тоже служил в спецназе.

И в этот раз он выходил впереди меня. Несмотря на другую одежду (джинсы, клетчатая рубашка навывпуск), я узнал его. Поравнявшись с ним, я повернул к нему голову и поздоровался:

– Привет!

– Привет, – ответил он, морща лоб и припоминая, где раньше он мог меня видеть.

– Смотрел картину во второй раз?

– Точно.

- Я тоже. Видел тебя здесь неделю тому назад.
- Я не запомнил число. Но, по-моему, так и было.
- Оказывается, мы с тобой одной крови, брат.

Он понял меня с полуслова.

- Армейский спецназ?

Я улыбнулся: «Да».

- Надо же! Ну что, пивка для рывка?

- Почему бы и нет?

Мы зашли в ближайший бар под названием «13 стульев».

Он располагался на первом этаже девятиэтажки, и вход находился с торца здания. Из шести столиков четыре оказались свободными. Мы подошли к стойке, я расплатился за два стакана фирменного «Жигулевского», мой спутник по-дружески похлопал меня по плечу:

- Следующий раунд за мной.

Разумеется, я согласился.

Мы выпили.

- Что тебя привлекло в этом фильме?

Этот вопрос поставил меня в тупик. Может быть, потому, что я настроился на армейскую тему.

- Конечно, у меня есть свое мнение. Мой отец сказал бы что-нибудь про внутреннюю силу произведения.

- Он что, педагог?

– Ты уже во второй раз попадаешь в точку. Твоя армейская специальность – снайпер?

- Нет. Но стреляю я здорово.

– Я тоже люблю портить мишени.

– Так что тебя привлекло в этом фильме? Бесшабашность героев, может быть?

Я и сам понимал, что назвать их бесшабашными можно было с большим натягом и большой погрешностью. Так назвал бы их тот зритель, который пришел в кинотеатр убить время или потискать подружку, изредка бросая взгляд на экран.

– Бесшабашные? – я снова пожал плечами. – А сам-то ты что думаешь по этому поводу?

– Рассудка у них хоть отбавляй. А вообще, над такими вещами я не задумываюсь. Мне либо нравится что-то, либо не нравится. А вот все, что между, – полная фигня. Вот о тебе могу сказать кое-что конкретное. У тебя склад ума, что называется, аналитический. Ты не лидер по натуре, но можешь стать брендом определенного круга людей. Ты фактурный, искренний. Вот сейчас нашей паре ты придаешь общий вид: коммуникабельной и уверенной в себе.

– Ого! – удивленно присвистнул я, польщенный его точным, в общем-то, отзывом.

Наша с ним встреча в кинотеатре – знак свыше, был уверен я. О совпадении интересов говорить было рано, но вкусы или пристрастия явно не различились: разные по восприятию и образованию, мы тем не менее приобрели форму в определенной армейской среде. За кружкой пива нам не пришлось завинчиваться.

Как и я, он обратил внимание на мою татуировку – когда я обхватил пальцами пивной стакан. Она представляла собой перстень с изображением паука в паутине; белый крест на спине паука означал судимость за грабеж, а также он символизировал насилие.

– Что означает этот перстень?

Я поднес руку к глазам, как если бы рассматривал только что изготовленное тату.

– Грехи молодости.

Я получил срок до того, как вошел в элиту армейского спецназа. Случай не редкий, а скорее – распространенный. Огромный недобор среди призывников компенсируется с нарушением закона, когда в ряды вооруженных сил набирают людей с судимостями, в том числе и за насилие, и наркоманов. Я знал эту армейскую тему и мог говорить безостановочно.

– Грехи молодости?..

Я снова пожал плечами, не торопясь удовлетворить его любопытство.

Он повторил мой жест:

– Можешь не отвечать, если не хочешь.

– У меня нет секретов от близких, – парировал я, – к чему что-то скрывать от незнакомца?

Он чуть отдалился от меня – об этом сказали его внезапно похолодевшие глаза.

Я перегнул палку, однако не боясь сломать ее. У меня

имелся веский аргумент вернуть его прежнее расположение, пусть оно даже надуманное. И я мысленно, словно репетировал, произнес: «Да брось ты! Мы и в этом плане с тобой одной крови».

– Ты тоже тянул срок?

– Никогда. Но знаю достаточно, чтобы поддержать беседу, а в некоторых случаях даже сойти за своего... с уголовником. Если бы, к примеру, выяснилось, что на ближайшей парковке тебя дожидается «наша классика», я бы привел десяток аргументов в пользу «морально устаревших» автовазовских машин. И наоборот – если бы ты был обладателем иномарки...

Воспользовавшись паузой, я подошел к стойке и купил еще два стакана отличного, надо сказать, пива: терпкое, близкое к идеалу, оно отзывалось в голове приятными хмельными толчками. Вернувшись за стол, я поднял два пальца, как если бы символизировал победу.

– За тобой уже пара стаканов.

К нему тотчас вернулось прежнее расположение духа.

Я хотел было закурить, но официантка с бейджиком «Ольга Губайдуллина» пресекла мою попытку, обращаясь к нам обоим:

– Парни, курить выходим на улицу.

Я все же щелкнул зажигалкой и поднес ее к сигарете.

Девушка за стойкой повысила голос, как если бы звала на помощь, и повторила слово в слово:

– Парни, курить выходим на улицу!

Мой товарищ тронул меня за руку:

– Еще не время.

Я повторил – вслед за ним, когда мы вышли на улицу и прикурили.

– Еще не время? Как тебя понимать?

В моих мстительно заблестевших глазах отражалось множество вопросов, и первый из них адресовался ему: «Откуда ты так много знаешь обо мне?» Он читал меня, как открытую книгу, поднятую с пола библиотеки. Все дело в том, что я сам этого хотел. Я был интересен ему, а мне предстояло пошевелить мозгами – случайна ли эта наша встреча, учитывая первую – неделю тому назад. Вскоре я бросил рассуждать на эту тему, не добившись результата, потому что, скорее всего, мои выводы, как считал я, были ошибочными. Может быть, потому, что я перегрузил свою голову.

Мы не стали возвращаться в бар, а взяли по паре бутылок пива в киоске и продолжили вечер под его цветастым тентом. Мы говорили на тему армейских подразделений, кто где служил. Я рассказал о том, что проходил службу в ракетных войсках, в подразделении по охране ракетных наступательных систем. Он ответил: «С уверенностью могу сказать, что бойцы таких групп самые подготовленные в армейской среде, поскольку обучены тонкостям антитеррора». Он сказал это убедительно и такими словами, что я

не мог ошибиться: он военный, офицер.

В общем и целом мы хорошо провели время, и домой я вернулся за полночь. На протяжении недели мы еще дважды встречались с ним, он предложил называть его Розовым – то есть «мистером с неизвестной судьбой», что для меня было немного странно, и мне пришлось выбрать кличку себе: Блондин, потому что мне нравился актер, сыгравший этого «бешеного пса»: Майкл Мэдсен. Но ключевая встреча состоялась в ночь с 17 на 18 июня 2009 года... Звонок Розового застал меня врасплох.

– Ты можешь срочно приехать ко мне?

Розовый акцентировал середину вопроса, и эта подчеркнутая безотлагательность обязывала меня к выполнению распоряжения в сжатый срок и не оставляла мне выбора. Я выслушал его и принял решение как военный. И автоматически отметил время: 22 часа 43 минуты.

Я сел в машину, даже не переодевшись: в спортивных штанах, майке-тельнике, как будто торопился на встречу десантников. Выезжая за ворота, я по привычке бросил взгляд в окно на втором этаже – убедиться, что отец смотрит мне вслед. Какого черта он делает это? Я бы хоть что-нибудь понял, если бы он следил за мной: сел в свою машину, отдал приказ своей шестерке: «Садись ему на хвост». Однако сейчас Олег Прохоров не мог сесть мне на хвост – его не было дома. А что касается отца – он своим бездействием действовал мне на нервы. Мать не решилась перечеркнуть

его линию поведения, она и он с каждым днем превращались в единое целое. Надо бы поговорить с ним по душам: как долго он будет держать меня за урода, когда он наконец-то поймет, что мы – разные люди, у меня своя жизнь – и пусть даже с отеческим дополнением: «Если ты называешь это жизнью».

В пути я был чуть больше двадцати минут, когда мой мобильник снова ожил голосом Розового:

– Ты где?

– Ты прямо как моя мать! – сорвался я на него, отчужденно представляя своего отца.

– Ты едешь ко мне домой?

– Нет, бля, я еду к себе домой!

– Езжай на Старую дамбу – я встречу тебя там. Я приеду на «четырнадцатой». – Он назвал номер и цвет машины. – Конец связи.

– Урод! – выругался я, складывая трубку. – Вот урод!

Мне пришлось вспоминать, где Старая дамба. Вспомнил: за МКАД по шоссе Энтузиастов есть объездное шоссе, которое оставляет слева речку Чернавку и Мазуринское озеро. Короче, мне надо было ехать в Горенский лесопарк.

Но что случилось с этим идиотом? Нашел приключение на свою жопу? Или представил себя героем из какой-нибудь авантюристической игры? Он же ни рыба ни мясо!

Мне Розовый не виделся героем или там лидером. Бесспорно, он мог запудрить мозги кому угодно, и передо мной

он во время нашей второй встречи разоткровенничался. Армия, женщины, спиртное, зона, машины, высокие технологии, спорт плюс еще пять-шесть категорий, на тему которых он мог говорить убедительно и часами. Поначалу он отточил до совершенства армейскую тему, в которой варился не один год, за ней последовали другие. Особо его талант проявлялся с попутчиками в поезде, и он, по его собственному признанию, жалел в такие моменты только об одном: что, к примеру, в беседе с узбеком не может стать узбеком. Но он становился танкистом, сидя напротив танкиста; он водил собеседников по лабиринтам современной субмарины; он спускался на дно шахты с баллистической ракетой. «Если бы меня спросили, нравится ли мне дурить людей, – я бы ответил, что это людям нравится, когда им пудрят мозги. Наперсточники, политики, страховщики, коммунальщики, целители, ясновидящие, адвокаты, психологи; родители вешают лапшу на уши детям, дети – родителям. Люди жаждут быть одураченными». И это были его слова, которые я запомнил слово в слово и потом не раз повторял их.

Розовый был способен составить план спецоперации, подобрать и организовать команду исполнителей, но не был способен воплотить это в жизнь: отдать приказ или взять в руки оружие. Такие, как он, только и делают, что поджидают инициативных, деловых людей, способных реализовать их идеи, нажиться на их таланте, воздействуя на их комплексы. Порой мне его было жаль. Какой он, к черту,

Розовый! Он не был способен на поступок. Буквально через двадцать минут я понял, как жестоко я ошибался...

Рейстайлинговая «девятка» белого цвета стояла вдоль Старой дамбы, подслеповато таращась в темноту габаритными огнями. Я подъехал к ней вплотную, не выключая ближнего света, как будто хотел зажечь в ней искру жизни. Но где же Розовый? Я не обратил внимания, что назвал его так, отбрасывая пренебрежение, как если бы назвал его по имени...

Розового не было в салоне машины. Во всяком случае – на переднем сиденье. Перебрался на заднее? Так я мог гадать до бесконечности; меня от этого бестолкового занятия отвлек сам Розовый. Он съехал по наклонной стене дамбы и ткнулся ногами в песок. Выходит, он следил за подъездной дорогой, выбрав удачное место. Раньше в общении с Розовым ничего не происходило; он был частью интересной, может быть, книги, части, в которой шло скрупулезное описание внешности скандально неизвестного героя. И вот сейчас он преобразился, сбросив с себя серую шелуху.

Розовый стряхнул брюки и протянул мне руку. Мы поздоровались.

– Садись в эту машину.

Я направил пульт-брелок на свой «Ниссан». Щелкнули блокираторы дверей, икнула сигнализация, моргнули фары, отпуская меня.

Розовый обернулся, отъезжая от моей машины задним

ходом. Я тоже повернул голову, как будто не был уверен в его водительских способностях. Он неожиданно прикрикнул на меня:

– Вперед смотри! Самое интересное пропустишь.

– Похоже на похищение, – заметил я, играя желваками.

– Какой ты проницательный!

В моей голове нарисовалась картина: конец травянистого берега, костер, разведенный в бочке, группа людей вокруг огня, я выхожу из машины и оказываюсь в их власти. Ерунда. Нет цели, нет смысла, нет мотива, в конце концов, – Розовый не способен был составить таким людям компанию.

И все же чувство самосохранения, очень похожее на страх, заставило меня раскрыть рот:

– Если через пятнадцать минут я не позвоню...

– Если ты не заткнешься... – в неоконченной форме перебил меня Розовый.

И – застонал. Так тонко и жалобно, что у меня волосы дыбом встали. Я смотрел на него во все глаза, ничего, абсолютно ничего не соображая. Он терпел невыносимую боль... исполненный равнодушия. И – снова стон, ледящий душу.

Я медленно повернул голову. Чуть подрагивающей рукой включил свет в салоне. На заднем сиденье лежала связанная женщина. Рот ее был заклеен скотчем, и она, в этот раз глядя мне прямо в глаза, застонала носом.

Розовый выключил свет, и глаза пленницы утонули в темноте. Он вел машину вдоль береговой линии, объезжая кочки

и ямки, переключаясь с первой передачи на вторую, медленно, бережно, как будто вез роженицу. Я сел прямо и грубовато ответил на свои мысли:

– Надеюсь, эта телка не беременная.

Розовый коротко хохотнул и выставил ладонь. Нехотя и неприязненно я ударил по ней своей.

– Что происходит? – В этот раз я не назвал его по имени, а кличку его как будто постеснялся произнести при посторонней. – У тебя что, крышу напрочь снесло?

– Здесь.

Розовый не слушал меня. Он остановил машину вплотную к густому подлеску. Выключив зажигание и ближний свет, он оставил гореть габаритные огни. Он вышел из машины, обошел ее спереди, рывком открыл мою дверцу и склонился ко мне:

– Выходи. Чего ты расселся? Поможешь мне. Я один эту тварь в машину затаскивал...

Я никак не отреагировал на его горячность.

– Ну как хочешь.

Он подошел к задней левой дверце, открыл ее и схватил женищину за волосы.

– Выходи, сука!

Связанная по рукам и ногам, она не могла выйти. Но оказала сопротивление, удерживаясь ногами за мое сиденье, за подголовник, была готова зацепиться мне за голову. И я отпихнул от себя ее ноги. Розовый воспользовался этим момен-

том и выволок жертву из машины. Обнажив острый нож, он склонился над женщиной и, роняя на ее лицо слюну, предупредил:

– Я тебя на куски порезу, сука, если ты надумаешь убежать или закричать!

Я увидел, что она часто покивала, глядя на Розового снизу вверх, лежа на боку и вывернув голову, – к этому времени я оставил машину и примкнул к Розовому. Лицо этой женщины, одетой в светлую блузку и узкую юбку, показалось мне знакомым, как будто мы встречались совсем недавно. Я наморщил лоб, вспоминая и не отрывая взгляда от ее лица. Отчаянно мешала вспомнить полоска коричневатого скотча – сморщенная, с глубокой складкой между губ, растрепанные волосы, упавшие на глаза, и затравленные глаза. Очень трудно узнать в этой женщине ту, которая... Ну же, подстегнул я себя, давай вспоминай!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.